

И.П. Барсуков

**Иннокентий, митрополит
Московский и Коломенский
по его сочинениям, письмам
и рассказам современников**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 304
ББК 60.5
И11

И11 **И.П. Барсуков**
Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям,
письмам и рассказам современников / И.П. Барсуков – М.: Книга по Требова-
нию, 2021. – 815 с.

ISBN 978-5-4241-6216-9

ISBN 978-5-4241-6216-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

«Ученикъ отдаленнѣйшаго времени, отдаленнѣйшаго края и еще болѣе въ отдаленной странѣ проведшій болѣе половины своей жизни», Высокопреосвященный Иннокентій въ сонмѣ нашихъ православныхъ Архіереевъ, древнихъ и новыхъ, величественно обрисовывается отличительными, ему только свойственными, самобытными чертами. Выросшій и подвизавшійся до семидесяти лѣтъ среди природы безъискусственной, простой и среди такихъ-же простыхъ дѣтей природы, онъ и самъ былъ простъ и доступенъ, ласковъ и привѣтливъ, прямъ и безпристрастенъ, не любилъ ни въ чемъ искусственной нарядности, не любилъ выставлять на показъ ни свои знанія, ни заслуги, а всегда держалъ себя просто и смиренно. Сильный природный умъ свой онъ обогатилъ такими обширными и многосторонними познаніями, какими немногіе обладали. Сердце его было чуждо зависти и лукавства, честолюбія и самомнѣнія, жадности

къ богатству и роскоши. Съ самага младенчества поставленный въ борьбу съ суровой природой и людьми, съ нуждами и липеніями, онъ пріучилъ себя къ терпѣнію и труду, къ мужеству и стойкости, къ самообладанію и находчивости, къ воздержанію и довольству малымъ, къ безпрекословной покорности святой волѣ Божіей во всѣхъ обстоятельствахъ жизни.

По природѣ хорошо сложенный, высокій и статный, онъ былъ тѣломъ и духомъ могучъ и крѣпокъ. Онъ бодро устоялъ противъ всѣхъ тяжкихъ невзгодъ житейскихъ и дожилъ до глубокой старости, не видя болѣзненной дряхлости, до послѣднихъ минутъ сохранивъ ясность ума и благодушіе. Такою примѣрною простотою, воздержаніемъ и кротостію, терпѣніемъ и твердостію, здравымъ умомъ и многоопытностію, своей покорностію промышляющему о всѣхъ насъ Богу, Преосвященный Иннокентій былъ достойнымъ преемникомъ Московскихъ молитвенниковъ и святителей.

Имя его сдѣлалось славнымъ и почтеннымъ какъ у насъ, такъ и въ чужихъ краяхъ. Не только всякій Русскій, ревнующій о чести и славѣ своего отечества, но и всякій образованный человѣкъ, Англичанинъ, Нѣмецъ, Французъ, Американецъ, кто только уважаетъ науку и человѣчество, почтительно преклоняется предъ величавою личностію нашего Камчатскаго и Алеутскаго апостола.

Вотъ уже четыре года, какъ въ Бозѣ почилъ этотъ подвижникъ Вѣры Христовой, и намъ кажется, что приспѣло время сдѣлать обзорънїе его жизни и трудовъ. Мы, насколько могли и умѣли, собрали разбросанныя о немъ свѣдѣнїя въ одну книгу, которая да облегчитъ трудъ будущаго біографа.

Благодѣтельному содѣйствию Преосвященнаго Амвросїя, епископа Харьковскаго и Ахтырскаго, и Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода Константина Петровича Побѣдоносцева я обяванъ, что многолѣтнїй трудъ мой увидѣлъ свѣтъ Божїй.

Считаю также долгомъ принести мою глубочайшую благодарность Преосвященному Алексію, епископу Дмитровскому, отцу памѣстнику Свято-Троицїя Сергіевой Лавры архимандриту Леониду, Е. И. Веніаминовой и ея дѣтямъ, баронессѣ Е. С. Делеръ (рожденной Шереметевой), З. С. Свербеевой (рожденной княжнѣ Трубецкой), князю П. П. Вяземскому и Н. П. Барсукову за сообщенїе мнѣ драгоценныхъ матеріаловъ.

Благоговѣнїе и любовь къ памяти святителя воодушевляли меня въ трудѣ моемъ. Сознывая недостатки представляемой на судъ соотечественниковъ книги моей, повторю слова Елифанїя Премудраго, древняго жизнеописателя св. Стефана Пермскаго: «Азъ, худой, недостойный, убогїй..... желанїемъ одержимъ есмь и любовїю подвизаемъ,

УІІІ

хотѣлъ быхъ написати... на воспоминаніе, купно же и памяти ради, отъ добраго и чуднаго житія святителя нашего... Сія же убо снискахъ, и здѣ и ондѣ собравъ, предположихъ яже о житіи его ова слухомъ услышавъ, ова же отъ ученикъ его увѣдахъ....есть же и другое, яко и своима очима видѣхъ, иное же и съ самѣмъ бесѣдовахъ многажды, и отъ того навывкъ, и прочая елико вопрошахъ отъ старыхъ мужъ, якоже рече Святое Писаніе: «Попроси отца твоего, и возвѣститъ тебѣ». Но молю вы, боголюбци, дадите ми простыню, молитуйте о мнѣ: азъ бо есмь умомъ грубъ, и словомъ невѣжа, худъ имѣя разумъ. Не бывавшю ми во Афинѣхъ отъ юности, и не поучихся у философвъ ни ихъ плетенія риторьска, ни вѣтискихъ глаголъ, ни Платоновыхъ, ни Аристотелевыхъ бесѣдъ не стяжахъ... и испроста—отъинудъ весь недоумѣнія наполнихся».

Иванъ Варсуковъ.

14 Августа 1883 года.

Москва.

I

«**Ѹ** Гóспода стопы челоуѣкъ исправлѣнтса».
(**Ѹ** ал. ѣз, кѣ).

26 августа 1797 года, въ селѣ Ангинскомъ, Иркутской епархіи, у пономаря церкви св. Іліи Пророка, Евсевія Попова родился сынъ Іоаннъ. Воспріемникомъ его былъ крестьянинъ Савва Чувашевъ, а воспріемницею жена казака Тюрлюкова, Устинья Яковлева. Четырехъ лѣтъ на пятомъ, мальчикъ учился уже грамотѣ у большаго отца своего, который въ августѣ 1803 года, какъ значится въ метрической книгѣ, «исповѣдавъ своя согрѣшенія, и Св. Таинъ приобщенъ, и елеемъ овященъ, помре 40 лѣтъ».

Мать, съ четырьмя дѣтьми, осталась въ безпомощномъ положеніи. Дядя сиротъ, діаконъ Димитрій Поповъ, чтобы помочь осиротѣвшей, бѣдствующей семьѣ, взялъ мальчика Ивана къ себѣ и продолжалъ учить его грамотѣ по часослову и псалтири, уча и письму. Мальчикъ учился такъ успѣшно, что онъ еще семилѣтнимъ ребенкомъ читалъ въ своей церкви, въ праздникъ Рождества Христова, за литургією, Апостолъ, и своимъ толковымъ чтеніемъ доставлялъ утѣшеніе прихожанамъ церкви св. Іліи пророка; но невзачно было одѣяніе чтеца:— крестьянскій зипунъ и чаряи. Мать, ободренная успѣхами сына, пыталась опредѣлить бойкаго грамотѣя, еще до поступленія его въ семинарію, на мѣсто отца пономаремъ, чтобы имѣть въ немъ podporу себѣ и остальнымъ дѣтямъ; но попытки остались напрасны. Въ 1806

году, девятилѣтній Иванъ Поповъ былъ привезенъ въ г. Иркутскъ и опредѣленъ въ тамошнюю семинарію, на тогдашнее убогое казенное содержаніе. Къ счастью, дядя его, діаконь, у котораго онъ воспитывался въ селѣ,—по вдовствѣ, жилъ тоже въ Иркутскѣ, въ архіерейскомъ домѣ, въ званіи крестоваго іеромонаха Давида. Онъ и здѣсь не оставлялъ сироту-племянника своего любовью и заботливостію. Между прочимъ, какъ часовой мастеръ и механикъ-самоучка, Давидъ возбудилъ и въ племянникѣ любовь къ механическимъ издѣліямъ. Гола черезъ два или три послѣ этого опредѣленія, мать повторила попытку сдѣлать сына своего, семинариста Ивана Попова, пономаремъ на отцовское мѣсто, но опять напрасно. «И это», какъ говаривалъ Иванъ Поповъ много лѣтъ спустя, будучи уже знаменитымъ іерархомъ,—«конечно, потому, что мнѣ суждено служить не на мѣстѣ моей родины, а въ Америкѣ».

Здѣсь мы считаемъ умѣстнымъ предварительно сказать нѣсколько словъ о городѣ Иркутскѣ и о тогдашнемъ состояніи Иркутской семинаріи, чтобы читатели могли видѣть ту обстановку, въ которой воспитывался юноша Поповъ.

Иркутскъ, самый красивый городъ во всей Сибири, расположенъ на правомъ берегу величественной рѣки Ангары, которая такъ быстра, что жестокіе морозы, свойственные тамошнему климату, покрываютъ ее исковерканнымъ льдомъ не ранѣе января мѣсяца; а бываютъ годы, что во всю зиму переправляются черезъ Ангару на плашкоутахъ. Улицы Иркутска чисты и правильны. Мѣстность ровная, сухая и плодородная. По развитію частной заводской и фабричной промышленности, онъ занимаетъ первое мѣсто въ Сибири. На лѣвомъ берегу Ангары, въ пяти верстахъ отъ Иркутска, на замѣтномъ возвышеніи,—какъ бы смотреть на городъ,—красуется Вознесенскій монастырь съ своими золотыми крестами и главами. Въ немъ открыто почиваетъ, въ нетлѣннѣи, благоухая, прославленный чудотвореніями, Святитель Иннокентій, въ великолѣпной серебряной рацѣ.

Открытіе мощей св. Иннокентія совершилось въ царствованіе Императора Павла. Сенаторы Ржевскій и Левашовъ, ревизовавшіе Иркутскую губернію, донесли государю о нетлѣнныхъ мощахъ и чудесахъ Святителя. Въ 1800 году, Св. Синодомъ предписано было духовнымъ лицамъ повѣрить на мѣстѣ донесеніе сенаторовъ. Строгое слѣдствіе вполнѣ оправдало всѣ извѣстія ихъ. Затѣмъ предписано (въ

1804 г.) правдывать во всей Россіи память Святителя Иннокентія 26 ноября (*Источ. Русск. Анограф. Н. Барсукова, стр. 223*).

Вѣра Сибиряковъ въ чудотворную силу Святителя такъ велика, что они убѣждены,—если при проѣздѣ мимо монастыря не отслужить молебна прендобному чудотворцу, то на пути непреѣнно случится какое нибудь несчастье.

Иркутская же Духовная семинарія, гдѣ воспитывался Иванъ Поповъ, возникла изъ Славяно-Русской школы, основанной въ 1728 году въ Иркутскомъ Воанесенскомъ монастырѣ св. Иннокентіемъ, первымъ Иркутскимъ епископомъ, при бывшей тамъ Монгольской школѣ. Преемникъ св. Иннокентія I-го, епископъ Иннокентій II Неруновичъ, продолжалъ усовершенствованіе этой школы на основаніи, положенномъ угодникомъ Божиимъ. Этотъ трудолюбивѣйшій и ревностнѣйшій архинастырь много сдѣлалъ для процвѣтанія школы. Тамъ напримѣръ, избѣгая городской суеты, онъ и самъ поселился въ Жилгинской заимкѣ, недалеко отъ монастыря, и туда перевелъ училище. Въ домѣ, гдѣ онъ жилъ и гдѣ помѣщалась школа, онъ устроилъ храмъ во имя св. Іустина Философа, чтобы самымъ названіемъ храма показать, что учащіеся должны искать истинной премудрости, которая только лишь отъ Бога. Въ этой школѣ, кромѣ Монгольскаго и Русскаго, преподавался и Латинскій языкъ. Учениковъ въ школѣ было до 60-ти, и уже тогда она носила названіе семинаріи. Со смертію Пресвященнаго, Латинскій языкъ въ школѣ отиѣненъ, и при его преемникѣ, епископѣ Софроніѣ, не возобновленъ; а поддерживалась только, заведенная св. Иннокентіемъ, Руско-Славянская школа, будучи переведена изъ Жилгинской заимки въ Архирейскій домъ. Съ увеличеніемъ же народонаселенія и умноженіемъ церкви, этой школы недостаточно было для приготовления образованныхъ священно-и церковнослужителей для здѣшней епархіи. Необходимо было завести семинарію, но образцу Тобольской и другихъ епархій. Устроеніе таковой досталось преемнику благочестиваго святителя Софронія, Михаилу I-му Миткевичу. Въ 1779 г. полученъ былъ указъ Св. Синода объ открытіи въ Иркутскѣ семинаріи и ассигнованіи на ея содержаніе 2000 р. Нашли удобнымъ построить семинарію въ Иркутскѣ, на восточной сторонѣ отъ ограды Архирейскаго дома. Стройка семинарскаго корпуса шла такъ успѣшно, что въ мартѣ 1780 года, семинарія была уже открыта; въ нее были переведены ученики изъ

Русско-Славянской школы, и тогда же началось преподавание Латинскаго языка самимъ Преосвященнымъ. Въ то же время, отъ Св. Синода было предписано заботиться и о преподаваніи Греческаго языка (*Иркутск. Епарх. Вѣд. № 23, 1873 г. и, № 42, 43. 1879 г.*).

До 1800 года, особыхъ ректоровъ не было, а непосредственно управляли семинаріею сами преосвященные, сперва Михаилъ Миткевичъ, а послѣ его смерти—Веніаминъ, при которомъ, впоследствии, стали уже назначаться особые ректоры.

Классовъ въ семинаріи было восемь; учебники были слѣдующіе: Богословіе преподавалось по учебнику Сильвестра, ректора Казанской Академіи, составленному по системѣ Теофана Прокоповича; Философія—по учебнику Баумейстера, послѣдователя философіи Вольфа; Риторика—по Бургію, съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ статей изъ Лезая и русскихъ примѣровъ изъ Ломоносова. Въмѣсто нынѣшнихъ экзаменовъ, тогда въ семинаріяхъ были въ обычаѣ ежемѣсячныя, такъ называемыя, собранія. Собиралось училищное начальство: ученики всѣхъ классовъ фары, информаторіи, грамматики, синтаксиса, поэзіи, риторики, философіи и богословія, дрожали отъ страха, потому что у порога съ пучкомъ лозъ стоялъ лагва (харя, личина),—такъ называли ученики одного жестокаго и вмѣстѣ безобразнаго экзакутора съ кухни. Предметомъ испытаній были и успѣхи, и поведеніе. Стрѣме всего взыскивали за опозданіе къ праздничнымъ богослуженіямъ, даже къ утрениамъ въ 4 часа по полуночи, отъ хожденія къ которымъ въ каедральный соборъ не избавлялись ученики и въ 40° мороза, хотя бы кто изъ нихъ жилъ и у Іерусалимской горы. Иногда за малоуспѣшность прощали, въ надеждѣ исправленія, но никогда—за неблагочинное стояніе въ церкви. За этимъ строго блюли сеніоры (старшіе). Пища въ семинаріи была крайне скудная. Воспомявъ свою школьную жизнь, Иванъ Поповъ говаривалъ впоследствии: «учился я хорошо, но чистаго ржанаго хлѣба (безъ мякины), до выхода изъ семинаріи, не пробовалъ». Также неудовлетворительно шло и образованіе. Классы помѣщались въ тѣхъ же комнатахъ, въ которыхъ жили, ѣли и спали воспитанники. До преобразования духовно-учебныхъ заведеній, не было въ Иркутской семинаріи даже порядочнаго распредѣленія оканчивающихъ курсъ ученія. Епархія же крайне нуждалась въ священно-и церковнослужителяхъ. Пользуясь этимъ, одни шли

въ дьячки и пономари къ сельскимъ церквамъ, на свободу; другіе занимали причетническія мѣста въ самомъ городѣ, съ условіемъ доучиться, а третьи, въ продолженіе ученія, даже вступали въ браки и получали въ городѣ діаконскія и священническія мѣста, подъ тѣмъ же условіемъ—слушать въ семинаріи уроки до окончанія курса. И не въ диковину тогда было видѣть въ Богословскомъ классѣ учениковъ въ рясахъ. Тогдашніе семинаристы не прочь были выпить и табачку понюхать; только о табакокурениі не было еще помина.

Въ этой-то семинаріи пришлось прожить мальчику-сиротѣ Ивану Попову слишкомъ 11 лѣтъ; и здѣсь-то раннее сиротство и отсутствіе семейной обстановки отразились на его характерѣ. Въ семинаріи онъ былъ крайне необщителенъ съ своими товарищами и не только не раздѣлялъ ихъ игръ, но и мало вступалъ съ ними въ разговоръ. За свою отчужденность, онъ долго подвергался насмѣшкамъ и оскорбленіямъ своихъ товарищей, пока, своими дарованіями и дѣятельностію, не привлекъ ихъ къ себѣ. Рослый, полный, молчаливый, строго задумчивый, въ толстой казенной рубашкѣ, безъ галстука и жилета, часто даже съ открытою широкою грудью, въ неподпоясанномъ казенномъ халатѣ, Иванъ Поповъ рѣзко выдѣлялся отъ своихъ сверстниковъ и невольно обращалъ на себя особое вниманіе (*Ирк. Епар. Вѣд. 1879 г. № 23*). При томъ онъ и учился отлично. Послѣ каждаго обычнаго еженѣдельнаго собранія, или, выражаясь нынѣшнимъ, языкомъ, Училищнаго Совѣта, у него всегда стояла отиѣтка: *eleganter, egregie, eximie* (т. е. прекрасно, превосходно, отлично).

Въ 1814 году, между временемъ кончины епископа Вениамина и назначеніемъ новаго епископа, прибылъ въ Иркутскую семинарію новый ректоръ изъ Москвы, архимандритъ Павелъ Некрасовъ (на мѣсто Аполлоса), человекъ умный и образованный и чрезвычайно обходительный. Тогдашній Иркутскій губернаторъ, Николай Ивановичъ Трескинъ, не замедлилъ познакомиться съ пріѣзжимъ, и скоро сталъ съ нимъ на дружескую ногу. Между разговорами о состояніи Иркутской семинаріи, ректоръ высказалъ губернатору, что на содержаніе ея получается самая ничтожная сумма, да и тою распорядиться некому, потому что нѣтъ толковитаго эконома. «Если угодно, сказалъ губернаторъ, то я дамъ въ распоряженіе ваше молодого, дѣятельнаго, смѣтливаго казака, Полуэктова, который, надѣюсь, управитъ семинарскою эконо-

мією къ удовольствію вашему и воспитанниковъ». — Ректоръ охотно принялъ такое предложеніе, и въ семинаріи появился человѣкъ по распорядительно-хозяйственной части, въ казачьемъ мундирѣ. Въ помощь ему и для письмоводства приданъ былъ одинъ изъ лучшихъ и благонравныхъ учениковъ семинаріи: это былъ опять тотъ-же Иванъ Поповъ—Ангиискій. И тотчасъ почувствовали воспитанники благотворное вліяніе новыхъ хозяевъ не на одну матеріальную, но и на нравственную сторону (*Домашн. Бесѣда 1876 г., стат. II. Громова*).

Прибавка къ Попову «Ангиискій», отъ мѣста родины, сдѣлана въ отличіе отъ другихъ Ивановъ Поновыхъ, скопившихся въ семинаріи, которыхъ въ свою очередь различали также прибавленіемъ къ родовымъ фамиліямъ еще прозвищъ, отъ ихъ родинъ: такъ напр. Ангиинскаго, Тункинскаго, Тайтурскаго и проч.,—кто откуда прибылъ. Новый же ректоръ Павелъ, чтобы еще болѣе устранить обичивость въ училищныхъ спискахъ отъ подобной сомненности и софамильности, а частію за признаваніемъ нѣкоторыхъ прозваній неблагозвучными, напр.: Рассохинъ, Чирцевъ, Пляскинъ,—счелъ нужнымъ переимѣнить фамиліи почти всѣмъ ученикамъ, показавъ въ этой переимѣнѣ замѣчательную свою находчивость. Въ основу новаго нареченія были приняты: благообразіе, отъ котораго получили прозваніе Благовидовы, Малинины, даже Архангельскіе; осанка и стройность,—отсюда Лавровы; по душевнымъ качествамъ названы были Тихомировы, Миротворцевы. Одинъ изъ учениковъ, въ несчастію, любилъ выпить, да не прочь былъ и отъ лакомства. Ему дана фамилія Дулькамарова (*dulcis-amarus сладко-горькій*), а ранѣе писался онъ Иванъ Поповъ Тункиискій.

Но не тотъ расчетъ палъ на долю Ивана Попова—Ангиинскаго. Величественная наружность въ то время скончавшагося (8 іюля 1814 г.) епископа Иркутскаго Веніамина, его просвѣщенный умъ, величавость и важность въ приѣмахъ, были въ свѣжей памяти Иркутска, о чемъ не могъ не насмышаться новый ректоръ. И не нашелъ онъ въ семинаріи воспитанника, въ фамиліи котораго можно было бы прилично сохранить имя покойнаго преосвященнаго, кромѣ Ивана Попова—Ангиинскаго. Сей послѣдній отнынѣ сталъ Иванъ Веніаминовъ.

Иванъ Веніаминовъ былъ очень дѣятельнымъ юношею: онъ часа не